

Глава 1

Паксе, Лаос — июль 1971 года

Мы с Джоном покинули Вьентьян и отправились на юг, в Паксе, третий по величине город в Лаосе (население — 35 000 человек). Мы летели на старом двухмоторном самолете С-47, словно сошедшем со страниц комикса “Терри и пираты”. Его прозвали “50 кипов”, потому что у него был бортовой номер 50К, а валютой Лаоса были кипы. Садились мы через заднюю дверь, потому что внутри проход устремлялся резко вверх, к самой кабине, и садиться спереди было несподручно. Сиденья стояли в два ряда, по два кресла с одной стороны и по одному с другой. Самолет вмещал 40 пассажиров. Мы с Джоном сели рядом, и это помогло мне немного унять волнение перед началом нового совместного приключения.

Я забыла, как громко работают двигатели винтовых самолетов и как резко они взлетают в небо. Пилот “Эйр Америка” в защитного цвета форме без опознавательных знаков и настоящей капитанской фуражке без кокарды вывел самолет на взлетную полосу, нажал на тормоз и стал увеличивать количество оборотов двигателей, пока те не завизжали и не задрожали. Когда двигатели разогнались до предела, пилот отпустил тормоз, и мы помчались по взлетной полосе. Мы подозрительно долго катились по неровному бетону, но в конце концов взмыли в воздух.

Оказавшись над городом, я увидела лабиринт вьентьянских грунтовых дорог, расходящихся от немногочисленных асфальтированных бульваров, соломенные крыши множества маленьких домиков на сваях и широкую, могучую, грязно-коричневую реку Меконг, которая разделяет Лаос и Таиланд. Двигатели чуть сбавили обороты, самолет выровнялся, и я расслабилась, готовая к последнему отрезку нашего переезда на новое место в самом южном городе Лаоса.

Во Вьентьяне мы провели два дня, улаживая формальности и встречаясь с людьми, к которым должны были обращаться, если нам что-нибудь понадобится, когда мы окажемся “в глуши” Паксе. Люди встречали меня приветливо, но мне было очевидно, что я здесь на положении супруги — одной из многих, а не единственной в своем роде. Они спрашивали, хочу ли я работать, и я всегда отвечала “да”, хотя и не знала точно, о какой работе идет речь. Я написала свою автобиографию и заполнила многостраничную анкету, указав сведения об образовании, опыте работы, родителях, сестре, браке, местах проживания и родственниках, живущих или работающих за границей. Анкета была длинной, но простой. Офицер службы безопасности провел для меня инструктаж, но в целом на меня никто не обращал особого внимания.

Пока мы с Джоном были во Вьентьяне, мы успели пообедать в великолепном французском ресторане “Мадлен”, открытом еще во времена французской оккупации. Там мы заказали превосходный грибной крем-суп, вкуснее которого я, пожалуй, в жизни не ела. Свежие, почти хрустящие грибы плавали в густой кремообразной похлебке, приготовленной с добавлением капли чудесного хереса. Мы также заглянули в местное пристанище американцев, бар “Спот” в отеле “Лансанг”, где музыканты играли *Yellow River* и *Country Roads*. Джон встретился там с несколькими знакомыми из Вашингтона. Представляя меня, он говорил: “Это моя жена”, — но при рукопожатии я всегда добавляла: “Марти”. Я начинала понимать, что значит быть су-

пругой сотрудника ЦРУ. Жена была положена Джону по званию, как машина, дом и рабочее место.

По дороге в Паксе наш самолет сделал посадку в небольшом городке, где жили сотрудники ЦРУ со своими семьями. Сначала нам предстояло отправиться именно туда, но планы изменились, когда в апреле 1971 года американские женщины и дети были эвакуированы из Паксе после серьезного минометного обстрела города силами Вьетнамской народной армии. У нас с Джоном не было детей, а потому мы лучше подходили для работы в Паксе. Мне было все равно, куда ехать, а Джон, кажется, даже обрадовался, потому что он знал, что в Паксе будет интереснее.

На подлете к аэропорту Паксе я увидела на востоке высокие горы. Успев немного изучить Лаос, я знала, что это плато Боловен, возвышающееся примерно на 1000 метров над уровнем моря. Восточнее, за этими горами, находился Южный Вьетнам. Мы подлетели к маленькому аэропорту с короткой взлетной полосой. Посадка прошла не слишком гладко — бетонному покрытию не шли на пользу ежегодные сезоны дождей. Самолет подъехал к зданию из рифленого железа размером с сарай. При мысли о том, что в этом аэропорту мне не найти знака “Добро пожаловать в Паксе”, я рассмеялась. Сотрудники аэропорта подкатили трап к задней двери самолета, и мы прошли к выходу. Нам в лицо сразу пахнуло горячим, липким, влажным воздухом.

Джон сказал, что с нами летели в основном лаосцы и несколько тайцев. Мне все они казались одинаковыми. Американок в самолете больше не было, а американцев было всего двое. Я обратила внимание, что чем дальше на восток мы продвигались, тем выше становились в сравнении с местным населением. Благодаря этому нам было легче находить друг друга в толпе, но сложнее оставаться неприметными.

Спустившись на землю, мы встали у хвоста самолета, ожидая, пока выгрузят всевозможный багаж: вещмешки, переполненные холщовые сумки, старомодные чемоданы с защелками,

непонятные бесформенные свертки и наконец два наших чемодана. Представьте только: мы приехали на другой конец света, взяв с собой лишь по чемодану, а остальное отправив следом в огромном сундуке! Нас ждала простая жизнь.

Лаосцы и тайцы рассеялись. Одни отправились в город на местных такси — маленьких автомобилях, все окна которых были открыты для циркуляции воздуха, в равной степени пыльного и влажного. Других встретили друзья на пикапах и мотоциклах. Третьи просто побрели пешком по грунтовой дороге в сторону города.

Нас же прямо у самолета встретил Карл, который руководил нашим маленьким отделением в Паксе. Он сказал, что рад нас видеть, а Джону рад особенно, потому что в Паксе не хватает рабочих рук. Карлу было за сорок. Его седые волосы были коротко подстрижены, а кожа потемнела от загара. Он был невысок, мускулист, дружелюбен и вежлив, и все в нем выдавало военную выправку. Он приехал на бежевом “Джипе-Вагонире”, который, впрочем, вполне мог быть кремовым или белым, потому что краска скрывалась под толстым слоем дорожной пыли. Джон положил наши чемоданы в багажник, и я села на засыпанное песком заднее сиденье. Окна джипа были открыты, и внутрь летела пыль с подъездной дороги к аэропорту. Карл свернул на главную двухполосную дорогу — единственную асфальтированную дорогу, проходившую через Паксе. Тротуаров и бордюров не было: маленькие домики и хижины стояли вдоль дороги прямо на земле. Я запоминала все, что видела, и гадала, смогу ли приспособиться к новой жизни в этом далеком, примитивном городке.

— Как долетели? — спросил Карл, посмотрев на меня в пыльное зеркало заднего вида, и тут же добавил: — Вы хотите работать?

“Кем работать? Что делать?” — задумалась я, но все же улыбнулась и ответила:

— Конечно.

Карл кивнул.

Он свернул налево на грунтовую дорогу, которая вела к так называемому американскому комплексу, где во дворе двухэтажного оштукатуренного дома в европейском стиле стояла высокая металлическая радиоантенна. Позднее я узнала, что в этом желтом доме жили Элси и ее муж Джим, командующий воздушными операциями, которого прозвали Серым Лисом за богатый опыт и серебристую седину. Карл показывал нам местные достопримечательности вроде стоящей по правую руку школы, которая опустела, когда весной американские семьи с детьми были эвакуированы после минометного обстрела. Рядом со школой находился командный пункт подразделения армии США, где жил и работал американский военный врач. На всякий случай я запомнила и это.

Карл указал налево — на парковку, крытую ярко-зеленой крышей из гофрированного пластика. Она напоминала кинотеатр под открытым небом из тех, что были популярны в пятидесятые, не хватало только девушек на роликах. Карл назвал стоящее позади нее здание базой. Не останавливаясь, мы поехали дальше по грунтовой дороге, испещренной огромными рытвинами, в которые мы то и дело проваливались. У джипа были огромные колеса, и Карл прекрасно маневрировал между ямами. Как я узнала впоследствии, врач назвал слишком быструю езду по этим рытвинам причиной боли в животе у одной из других жен, которая, вероятно, страдала от ушиба яичников. Диагноз был довольно любопытным, но, если судить по моему опыту, вполне правдоподобным.

Повернув направо, мы проехали мимо теннисных кортов, но не заметили рядом ни бассейна, ни клуба, а затем миновали еще одну улочку с четырьмя домами. Карл остановился чуть дальше, у деревянного дома, который ничем не отличался от всех остальных.

— Вот ваш дом, — сказал он.

Неужели? Я вылезла из джипа, смахнув за собой всю пыль.

— Он построен в лаосском стиле, — ответил Карл на мой безмолвный вопрос, почему я не вижу ни застекленных окон, ни массивной входной двери.

Он провел нас на первый этаж, который был полностью обнесен сеткой, и сетчатая дверь захлопнулась за нами. На бетонном полу лежала подернутая плесенью бежевая циновка. В дальнем углу вокруг журнального столика стояли четыре старых, выдавших виды плетеных кресла. Я представила, как утром, перед тем как отправиться на работу, мы пьем там кофе или вечером потягиваем холодное пиво. Судя по оставшимся на столике следам от стаканов, у прошлых жильцов были похожие привычки. Мне приятно было понимать, что мы в этом доме не первые и, скорее всего, не последние.

Повернувшись к Джону, я увидела целую гору пыльных мешков с песком, прямоугольником уложенных у дальней стены.

— Что это? — тихонько спросила я у Джона.

— Наш бункер, — просто ответил он.

Стоило мне услышать это, как у меня перед глазами замелькали картинки из новостей. Бункер. Выстрелы, оглушительные взрывы. Я смотрела сводки из Вьетнама, которые повторялись довольно часто. Наличие бункера не означало ничего хорошего. Я представила, как солдаты скрываются в бункерах. Велев себе не думать об этом, я посмотрела на Джона. Он сделал мне знак следовать за ним.

За стеной из мешков с песком, которая высилась от пола до потолка, находилась небольшая комната. У одной ее стены стояли пустые стеллажи, а у другой — одинокая узкая койка. Карл объяснил, что это наша кладовая для продуктов, но я обратила внимание, что продуктов там нет. Маленькое окно в дальнем конце кладовой закрывал большой, но тихий кондиционер. Я попыталась осознать увиденное, но решила, что подумаю обо всем завтра.

Кухня была слева от бункера. Кухня. Ярко-желтый пластиковый стол с четырьмя такими же желтыми стульями времен

пятидесятых. Раковина. Плита. Холодильник. Полноразмерная морозилка. В углу стоял метровый керамический кувшин с пробкой в нижней части.

— Что это такое? — спросила я.

— Фильтр для воды, — ответил Карл. — Наливаете в него кипяченую воду, и он фильтрует все минералы.

Все просто.

Единственное окно на дальней стене было затянуто сеткой. Ставни снаружи были закрыты. Над столом висела одинокая лампочка, которая, как я впоследствии узнала, привлекала всевозможных летающих насекомых. Кроме того, она играла роль столовой для мелких ящериц, которых здесь называли *чичаками*: они приползали под лампочку, чтобы без труда добывать свой летающий ужин. Однажды вечером вскоре после нашего приезда я приготовила овощную поджарку с рисом, поставила тарелки на стол и села напротив Джона. Тут я впервые встретилась с *чичаком*, который облегчился прямо мне в тарелку. Не говоря ни слова, Джон отнес грязную тарелку в раковину и заменил ее чистой, но сначала я заставила его прогнать *чичака*. В конце концов я привыкла делить свой дом с целой популяцией *чичаков*, которые помогали контролировать популяцию насекомых. На кухне было все необходимое: по четыре миски, тарелки, стаканы и чашки, столовые приборы из нержавеющей стали, а также две огромные кастрюли, в которых можно было готовить несложные блюда.

Рядом с бункером находился простейший туалет, где не было даже раковины. В соседней комнате расположилась прачечная: там стояла стиральная машина со старомодным прессом для отжимания белья, но сушилки не было. Я быстро переложила заботу о стирке на горничную, которую мы наняли на второй день.

Мы с Джоном могли выжить в такой обстановке и даже найти в простоте свою прелесть. Словно подыскивая съемное жилье, я признала этот дом пригодным для жизни, хотя и при-

митивным. Позже Джон сказал мне, что он наблюдал за мной и гордился, что я не испугалась при виде бункера и спартанской обстановки. Я ответила, что меня все это не удивило, но в глубине души моему удивлению не было предела. Впрочем, я заверила Джона, что не выставила бы нас на посмешище, с визгом выбежав из этого дома. Покопавшись в своих мыслях, я поняла, что составила целый список вопросов, которые решила задать Джону позже. Это вошло у меня в привычку — я стала делать так всякий раз, когда сталкивалась с чем-то новым.

Карл провел нас на второй этаж, часть которого занимала пустая, обнесенная сеткой веранда. Пожалуй, мы могли бы поставить там пару кресел, чтобы встречать рассветы и закаты, но тогда нам это в голову не пришло. В доме я увидела стандартную комбинацию гостиной и столовой. В углу была бамбуковая барная стойка с двумя высокими стульями, вполне типичная для пляжного тики-бара на Гавайях. Я решила, что ее можно задействовать при приеме гостей. Впрочем, стульев было только два, поэтому о больших вечеринках можно было и не мечтать. (Впоследствии я пришла к выводу, что лучшие вечеринки мы устраивали вдвоем.)

В гостиной стояли большой трехместный диван, маленький диван и два стула. Их каркасы были сделаны из потертого бамбука бананового цвета, а подушки обтянуты бежевым муслином, на котором темнели грязные пятна. Подходящий по стилю круглый плетеный журнальный столик метра полтора диаметром был центром композиции и прекрасно подходил для размещения закусок и напитков. Сначала мебель показалась мне уродливой, но вскоре я полюбила ее удобство и потертый вид. Кроме того, она прекрасно вписывалась в стиль нашего дома и подходила нашему образу жизни.

Большой датский тиковый стол с шестью стульями резко контрастировал с желтой бамбуковой мебелью и тики-баром. Впрочем, я не выставляла свой дом на конкурс дизайна интерьеров. Посмотрев на обеденный стол, я вдруг поняла, что,

принимая гостей, должна буду приносить еду на второй этаж. Видимо, количество блюд у нас за ужином нужно будет ограничить. В угловом окне на полную мощность работал кондиционер, который кое-как справлялся с поддержанием прохлады, но был совсем бесполезен в борьбе с влажностью. Картин на стенах не было, и интерьер дополняли лишь простенькие лампы из “Вулворта”. На всех окнах дома были деревянные ставни, закрытые снаружи. На втором этаже сетка на окнах была закрыта листами толстого прозрачного грязно-желтого пластика, который лишал ее всякого смысла. Я решила, что пластик не пускает внутрь пыль и влагу, но подумала, что еще спрошу об этом у Джона.

За столовой я увидела ванную. У входа в нее был порожек высотой в одну плитку, и я сразу поняла, что не раз споткнусь о него в ночи. Рядом с раковиной на пьедестале стояла глубокая фарфоровая ванна на ножках. Над унитазом висел большой бак, вниз от которого тянулась цепочка с петлей на конце. Чтобы спустить воду, нужно было потянуть за эту петлю. Ванная блистала белизной плитки — чистой, почти стерильной на вид. На уровне плеча над ванной находилось окно, выходящее на задний двор, которым мы могли любоваться, принимая душ. Это окно не давало нам заскучать, потому что хищные *чичаки* там непрерывно выслеживали и ловили комаров и пауков, которых затем долго пережевывали, в то время как ноги добычи торчали у них изо рта.

Позже тем же вечером Джон рассказал мне об окнах, сетках и ставнях. Стекол не было, чтобы в случае минометного обстрела не разлетались осколки. Я мысленно поставила себе пятерку, когда он подтвердил, что пластиковые листы действительно не пускают в дом пыль и влагу, но так и не поняла, зачем нужны сетки, если их все равно закрывают пластиком. Возможно, сначала на окна установили сетки, а лишь потом — пластик. В сезон дождей ставни не открывали, чтобы в дом не лилась вода. Впрочем, мы не открывали их круглый год, спасаясь от тропической

жары. Джон также сказал, что в случае нападения ставни ослабляют взрывную волну, которая может превратить все внутренности в желе, даже если человек избежит прямого попадания осколков. Я решила, что для первого вечера этой информации достаточно.

В остальных комнатах не было ничего необычного. В доме было три спальни, в главной из которых работал кондиционер. Две другие были обставлены скромно, а в отсутствие кондиционеров в них стояла душлимая жара. Матрас нашей двуспальной кровати лежал на деревянном каркасе — кровать была удобной, хоть и очень простой. Из другой мебели в спальне стояли комод и платяной шкаф. В доме пахло теплым деревом, как в летнем лагере или финской сауне.

Ни телевизора, ни радио, ни газет не было. Не было никакой связи с внешним миром. На следующие два года Паксе должен был стать нашим домом. Мы часто смеялись, что, начиная с самого низа, мы могли лишь подниматься вверх. Мы думали, что нас ждет долгий карьерный путь и долгая совместная жизнь.

Показав нам дом, Карл предложил сходить на базу и познакомиться с коллегами. Выходя из дома, мы не закрыли дверь на ключ, потому что замка на двери не было. Снова пересчитав все ямы на дороге, мы остановились на первом парковочном месте под зеленым навесом. Когда мы вошли в маленькую приемную, из-за стола вскочил улыбчивый молодой лаосец, с которым Карл поздоровался по-лаосски:

— Са-бай-ди.

Парень был типичным лаосцем — кареглазый, с темно-каштановыми волосами и дружелюбной улыбкой. Вопреки моим ожиданиям, на нем была не военная форма, а белая рубашка и темные брюки.

Миновав еще одну дверь, мы оказались в комнате отдыха с диванами, а затем прошли по узкому коридору до первой двери направо, где Карл остановился и нажал несколько кнопок на маленькой коробочке возле дверной ручки. Замок щелкнул,

щеколда сдвинулась, и Карл открыл дверь. Я впервые увидела шифрозамок. Обычно на таких замках в ряд расположены четыре-пять кнопок, при нажатии на которые в верной последовательности замок открывается.

За дверью оказался центр поддержки командования. Нас встретил человек, который станет моим первым и лучшим другом, а также моим первым начальником в Паксе. Его звали Мак. Он работал в финансовой службе и многое рассказал мне о ЦРУ и реалиях жизни в полевых условиях. Следующий, с кем я познакомилась, был начальник центра поддержки Дик, который был приветлив, но сдержан. Когда он спросил меня, понравился ли мне дом, само собой, я ответила да. Я понимала, что это верный ответ, особенно в присутствии Карла. В центре также работал Джо, он же Сомсак, который руководил материально-техническим снабжением. Он просто улыбнулся и пожал мне руку. Сомсаком его называли, потому что таково было его лаосское кодовое имя. Все американцы обязаны были использовать при радиопереговорах кодовые имена: Джон стал Тамаком, Леон — Камсингом, Билл — Ноем, Дик — Раттаной, а Том — Ханом. В разговорах друг с другом они тоже называли друг друга лаосскими именами.

Мы вышли обратно в комнату отдыха, откуда Карл провел нас вверх, повернул налево и открыл еще один шифрозамок. Как я впоследствии узнала, шифры были разными. Каждому замку полагался свой шифр. Мы вошли в святая святых отделения ЦРУ в этом маленьком городе на юге Лаоса. На самом деле мы оказались в кабинете, где в кабинках с панельными стенами стояли разномастные столы. Нас встречали приятные, приветливые люди.